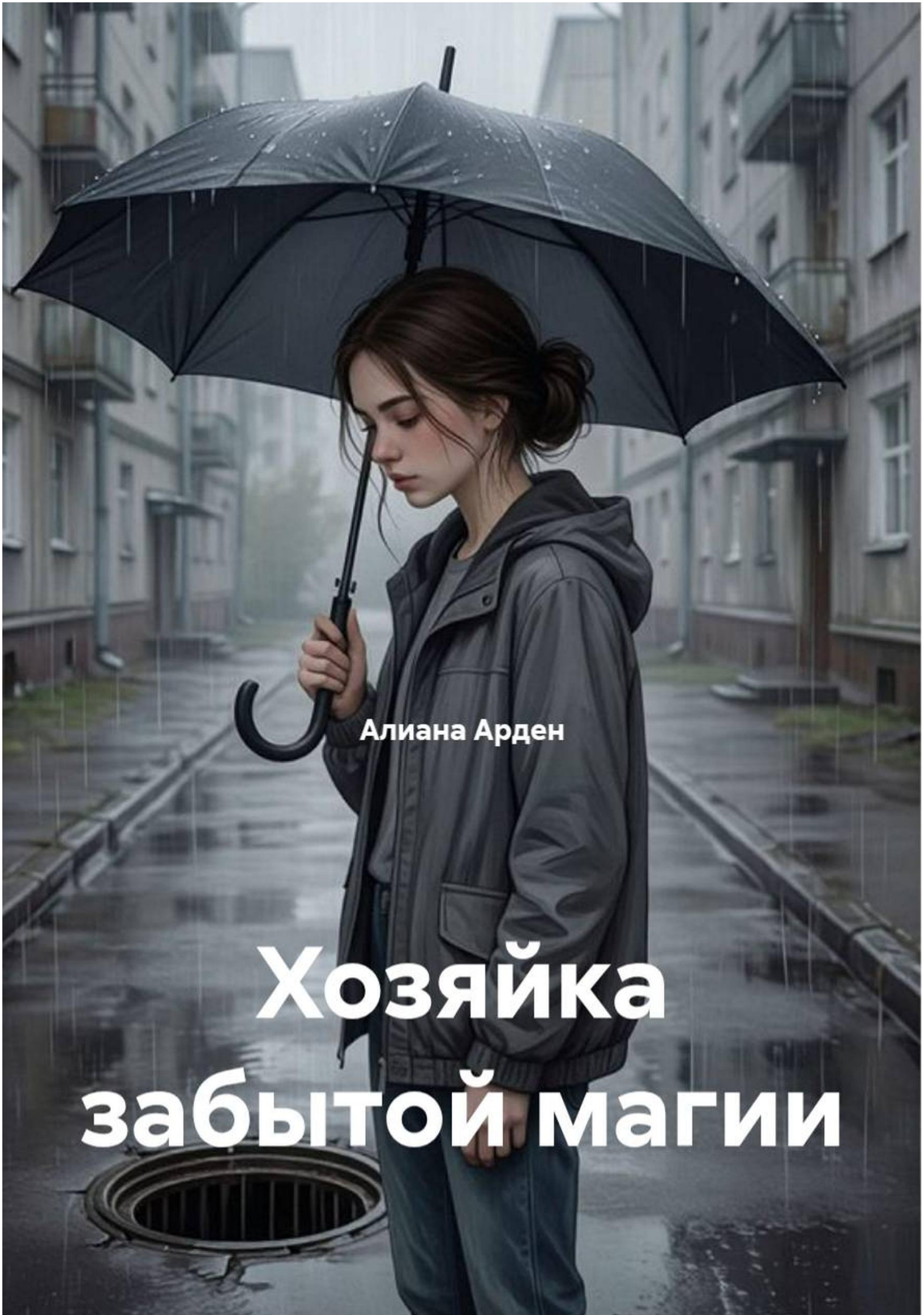

Алиана Арден
Хозяйка забытой магии

Алиана Арден

Хозяйка забытой магии

«Автор»
2026

Арден А.

Хозяйка забытой магии / А. Арден — «Автор», 2026

Один шаг в открытый люк посреди ледяной московской осени навсегда перечеркнул серую жизнь Алины. Она очнулась в мире, который пахнет солнцем и лавандой, а в её венах забурлила интуитивная магия. Оказывается, Земля была лишь её убежищем.Теперь её ждет заброшенная лавка угасшего рода Блессвуд и ворчливый кот-фамильяр. Но родовое гнездо на грани разорения, а за порогом уже ждет суровый королевский инспектор. Магия требует пробуждения, и пути назад больше нет.

© Арден А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Серый пиксель на сером фон 5
Глава 2. Золотой омут и запах лаванды 8
Глава 3. Заброшенная лавка и первый помощник 11
Глава 4. Искра 14
Глава 5. Ключ от кладовой 17
Глава 6. То, что помнит дом 19
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Алиана Арден
Хозяйка забытой магии

Глава 1. Серый пиксель на сером фон

Будильник ворвался в сон резким, дребезжащим звуком, и Алина несколько секунд лежала неподвижно, пытаясь удержать ускользающие обрывки чего-то тёплого. Там, в этом сне, было много солнца и пахло сухой травой. Но сон таял, вытесняемый сырой октябрьской действительностью.

Она протянула руку и вслепую нащупала телефон на полу возле дивана. Экран, покрытый паутиной трещин после неудачного падения на прошлой неделе, тускло мигнул: 06:45. Пора.

Алина медленно села, зябко поводя плечами. В съёмной однокомнатной квартире на окраине Москвы было откровенно холодно. Отопление в старой панельке упрямо не включали, хотя за окном вторую неделю лил ледяной дождь. В углах под потолком отслаивались дешёвые обои в блёклый цветочек, обнажая серую штукатурку. Каждое утро здесь начиналось с ощущения сырости и безысходности.

В прихожей Алина остановилась перед старым зеркалом в треснувшей раме. Из глубины амальгамы на неё смотрела бледная девушка двадцати шести лет. Темно-каштановые волосы наспех завязаны в растрёпанный узел, под глазами залегли глубокие тени, а в карих глазах застыла глухая, непроходящая усталость. Она смотрела на своё отражение и не чувствовала ничего, кроме привычного равнодушия. Словно это была не она, а кто-то другой, чужой человек, случайно попавший в её тело.

Каждый её день был точной копией предыдущего. Утренняя давка в автобусе, метро, душный офис логистической компании и бесконечные таблицы с отчётами. Цифры к вечеру сливались в сплошное серое марево. Работу Алина не любила, но держалась за неё из последних сил: нужно было платить за жильё и как-то существовать. Начальник, Вадим Сергеевич, мужчина желчный и придирчивый, получал искреннее удовольствие, отчитывая её за малейшую опечатку с таким видом, будто она совершила преступление против человечества. Алина давно перестала оправдываться. Она молча кивала, исправляла и возвращалась к своему столу. Внутри всё давно онемело.

Она включила электрический чайник и насыпала в кружку растворимый кофе. Запах был резким и химическим, вкус горьким. Алина обхватила кружку обеими ладонями, пытаясь согреть пальцы, и уставилась в окно, по которому стекали грязные капли.

Внутри, где-то глубоко в груди, привычно заныла старая тоска. Эта пустота поселилась в ней два года назад, после ночного звонка из автоинспекции. Мать. Скользкая подмосковная трасса, потеря управления, летящая навстречу фура. Мгновенная смерть.

Алина отчётливо помнила день похорон. Накрапывал такой же нудный дождь. Она стояла у разрытой могилы и, к собственному ужасу, вместо разрывающей сердце скорби чувствовала странное, удушающее облегчение. Ей было невыносимо стыдно за это чувство, она корила себя ночами, но ничего не могла поделать. Отец пил, сколько Алина себя помнила, а потом просто исчез, собрав вещи, когда ей исполнилось десять. Мать воспитывала её одна, но тепла между ними не было никогда. Ни в детстве, ни потом. Мать видела в дочери обузу, повод для вечных жалоб и упрёков. «Я на тебя лучшие годы положила, а ты неблагодарная», — эта фраза звенела в ушах до сих пор. Мать критиковала всё: внешность, скромную одежду, выбор института, отсутствие мужчины. Каждая их встреча была испытанием для нервной системы. Алина не помнила, чтобы мать когда-нибудь обняла её просто так, без повода, без предварительной лекции о том, как она разочарована. Не помнила, чтобы кто-то в её жизни спрашивал, как

прошёл её день, и слушал ответ. И когда матери не стало, Алина вдруг поняла, что теперь в этом огромном, кишащем людьми мегаполисе её не ждёт вообще никто. Но эта мысль не принесла новой боли. Она лишь подтвердила то, что Алина знала всю жизнь: рассчитывать не на кого. Эта привычка жила в ней так давно, что стала частью её самой, как тихий, ровный фон, к которому она приспособилась и почти перестала замечать.

Экран телефона загорелся. В общем чате бывших одноклассниц, который они по какому-то недоразумению назвали «Красотки», появилось новое сообщение. Снежана, яркая блондинка, всегда умевшая устраиваться за чужой счёт, выложила фотографию огромного букета из ста одной розы на фоне руля новенького автомобиля.

«Девочки, мой опять балует! Ромочка такой внимательный, сил нет. Кристина, Ира, завидуйте молча!» — гласила подпись с кучей целующих смайликов.

Тут же посыпались восторженные комментарии от Ирины. Ирина сама недавно вышла замуж за мелкого предпринимателя и теперь при каждой редкой встрече снисходительно вздыхала, глядя на Алину: «Малыш, ну нельзя же так. Ты просто планку завышаешь. Мужчинам не нужны слишком умные и серьёзные, им попроще надо. И гардероб у тебя... одни серые кофты с капюшонами, ну кто на тебя посмотрит?»

Алина горько усмехнулась и заблокировала экран. Эти подруги оставались в её жизни скорее по инерции. Поверхностные, зацикленные на внешнем лоске и количестве лайков, они почему-то легко шли по жизни, получая всё на блюдечке. Алина же до полусмерти зарывалась сначала в учебники, надеясь заслужить похвалу матери, а потом в копеечную работу, которая высасывала последние соки. Ей казалось, что она родилась бракованной, неподходящей для этого глянцевого мира, где ценилась только обёртка. Она давно привыкла не ждать хорошего. Ни от людей, ни от жизни. Привыкла, что её не замечают, не ценят, не любят. И научилась жить с этой привычкой, как живут с застарелой хромотой: не замечая, приспосабливаясь, но всё равно хромая.

Она натянула привычные джинсы, потемневшую от времени куртку, взяла зонт и вышла во двор. Московский рассвет был грязным и холодным. К автобусной остановке вела разбитая асфальтовая дорожка, петляющая между серыми многоэтажками. Алина шла, уткнувшись носом в жёсткий воротник куртки, стараясь не глядеть по сторонам. Осенний ветер пробирался под одежду, и руки, которые она забыла спрятать в карманы, быстро заледенели. Кожа на костяшках натянулась, покрылась сетью мелких трещинок. Крем она дома не нашла, а перчатки, как назло, остались на полке в прихожей. Впрочем, какая разница. Руки как руки. Не до них.

На полпути она притормозила у раскопанного газона. Прямо посреди пешеходной зоны зиял открытый канализационный люк. Вокруг него уже месяца три уныло стояли покосившиеся пластиковые заграждения с обрывками сигнальной ленты. Коммунальные службы, видимо, благополучно забыли о ремонте.

Алина обошла лужу с грязью у самого края провала и тихо, раздражённо пробормотала, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Ну как обычно. Столица. Центр мира. А люк закрыть не могут. Обязательно ведь кто-нибудь сломает себе шею в этой темноте.

Она уже сделала шаг вперёд, намереваясь продолжить путь к автобусу, как вдруг какая-то странная, неестественная деталь заставила её замереть на месте.

Из глубины тёмного колодца, пробиваясь сквозь пелену осеннего тумана и капли дождя, струился свет. Не резкое свечение от упавшего фонаря, не отблеск фар. Свет был мягким, пульсирующим, глубокого золотистого оттенка. Словно там, на глубине, под слоями московского бетона и ржавых труб, проснулось маленькое, живое солнце. И от этого сияния по телу Алины вдруг разлилась удивительная, давно позабытая волна тепла, заставившая сердце забиться чаще.

Она замерла, чувствуя, как внутри, под слоем многолетней усталости, что-то встрепенулось. Словно в ней проснулось любопытство, о существовании которого она давно забыла. Глупо, конечно. Ну какой свет? Откуда? Наверняка какая-то новая лампа, которую коммунальщики спустили в колодец, или отблеск витрины. Но ноги уже несли её обратно, к самому краю чёрного зева. Алина ухватилась рукой за мокрое пластиковое ограждение, наклонилась, чтобы заглянуть внутрь, и на секунду ей показалось, что оттуда пахнуло тёплым ветром. Не сырым подвальным холодом, а чем-то сухим, пряным, солнечным.

Она не успела удивиться. Не успела отстраниться. Мир вокруг качнулся, и земля под ногами словно растворилась.

Глава 2. Золотой омут и запах лаванды

Золотистое сияние, поднимавшееся из глубины колодца, не ослепляло. Оно пульсировало медленно, в такт ударам её собственного сердца, и с каждым этим ударом сырой осенний полумрак отступал на шаг, словно тьма нехотя отпускала свои владения. Алина наклонилась чуть ниже, сильнее сжав пальцами мокрый, шершавый пластик ограждения. Ладони помнили холод, но внутри, где-то под рёбрами, разливалось тепло. Тягучее, почти осязаемое, как горячий чай в промёрзший вечер.

Из чёрного зева колодца пахнуло не ржавчиной, не прелой листвой и не бензиновыми парами, а чем-то совершенно невозможным для Москвы. Густой, сладковатый аромат сухой хвои, согретой полуденным солнцем земли, и едва уловимые ноты цветущей дикой лаванды. Запах был настолько плотным, что Алина почти чувствовала его на языке. Терпкий, чуть горьковатый, с медовым послевкусием. Привычная глухая боль в висках, с которой она просыпалась каждый день последние два года, отступила. Не исчезла совсем, но отодвинулась, словно кто-то мягко убрал с её плеч тяжёлую, давящую руку.

«Что за чертовщина...» — сорвалось с её губ тихим, хриплым шёпотом.

Она хотела отстраниться. Хотела выпрямиться, отойти от края, продолжить свой путь к автобусной остановке, к серому офису, к бесконечным таблицам. Но тело не слушалось. Пальцы, казалось, приросли к пластику. А потом мир вокруг неё словно потерял опору.

Асфальт под подошвами старых сапог превратился в невесомое марево. Земное притяжение сошло с ума, вывернувшись наизнанку, и Алина почувствовала, как её тело теряет вес. Не страх, не паника. Только странное, почти невесомое удивление. Пальцы сами собой соскользнули с мокрого пластика. Она не успела ни вскрикнуть, ни зажмуриться. Мир вокруг просто перевернулся, и она плавно полетела вниз, в сияющую золотом пустоту.

Падение не было стремительным. Оно больше напоминало медленное, тягучее погружение в глубокую тёплую воду. Ту самую, в которой в детстве можно было лежать на спине, раскинув руки, и смотреть, как над тобой колышутся солнечные лучи. Вода бережно подхватила её тело, не давая разбиться, не давая испугаться. Золотой свет окутал её плотным коконом, и все звуки просыпающегося города оборвались разом. Надрывный гул проезжающего автобуса, далёкий сиплый гудок электрички, шелест шин по мокрому асфальту. Всё это смолкло, уступив место оглушительной, хрустальной тишине. В ней слышалось только её собственное дыхание. Медленное, глубокое, словно она впервые за долгие годы дышала полной грудью.

Алина закрыла глаза. Ей не было страшно. Наоборот, тело, казалось, само тянулось к этому теплу, как растение к свету. С каждым мгновением из неё, словно грязная вода из отсыревшей ткани, вымывалась многолетняя усталость. Уходила тяжесть в плечах, которую она носила так долго, что перестала замечать. Уходил липкий, въевшийся под кожу холод съёмной квартиры. Уходило то чувство, что она родилась бракованной. Не такой, какой нужно быть, чтобы этот мир принял её.

Она не знала, сколько времени прошло. Может, мгновение. Может, целая жизнь. Но когда она открыла глаза, первым, что она почувствовала, было отсутствие боли.

Алина лежала неподвижно ещё несколько минут, боясь спугнуть это удивительное ощущение. Её тело больше не сковывал ледяной утренний холод. Спина и шея, вечно нывшие от многочасового сидения за офисным столом, расслабились так, словно она только что проснулась после долгого, целительного сна. Она сделала медленный вдох и замерла.

Воздух. Он был другим. Не просто чистым. Он был густым, осязаемым, словно его можно было пить. В нём сквозила прохлада ледников, сладость незнакомых трав, что-то тонкое, похожее на запах первого снега, и одновременно тепло прогретой земли. От этого избытка кислорода слегка кружилась голова, но это была приятная, хмельная лёгкость. Алина сделала ещё

один вдох, потом ещё. Каждый вдох наполнял её чем-то, чего она не могла назвать словами. Чем-то, что было похоже на жизнь. Настоящую, полную, а не ту серую тень, которую она влачила последние годы.

Она медленно села и оперлась ладонями о землю.

Под её пальцами была не холодная грязь московского газона. Мягкая, густая, сочно-зелёная трава, упругая, словно живая, пружинила под ладонями. Алина раздвинула стебли и увидела крупные синие цветы, похожие на колокольчики. Внутри каждого, как маленькое зеркальце, дрожала капля росы. Она осторожно коснулась одного цветка кончиком пальца. Лепестки были прохладными и бархатистыми, а роса тёплой на ощупь. Тёплой, хотя утро ещё только начиналось. Алина смотрела на свою руку и чувствовала, как в груди что-то медленно оттаивает. То самое, что она годами заковывала в броню, чтобы не чувствовать слишком остро.

Она опустила взгляд на своё тело и беззвучно ахнула.

Старой потемневшей куртки, потёртых джинсов, тяжёлых зимних сапог больше не было. На Алине было надето простое, но удивительно приятное к телу платье из плотного льняного полотна глубокого оливкового оттенка. Ткань была мягкой, словно её стирали сотню раз и она стала почти второй кожей. Подол был аккуратно подшит мелким, ровным стежком, а длинные рукава мягко облегали запястья. Алина поднесла руки к лицу. Её пальцы казались более тонкими и изящными, чем раньше. Кожа на ладонях была гладкой, без единой трещинки. Она смотрела на них и не узнавала. На Земле её руки всегда были сухими, обветренными от осеннего холода и сырости, которая, казалось, проникала под кожу. Трещинки на костяшках саднили, крем не помогал, а перчатки она постоянно забывала дома. А теперь её ладони выглядели так, словно она никогда не выходила из тёплого дома.

Она поднялась на ноги. В теле ощущалась звенящая сила. Не та, что даёт кофеин, а другая, глубокая, словно внутри у неё всегда был спрятан маленький, тихий родник, который только сейчас пробился на поверхность. Алина удивлённо прислушалась к себе и поняла: ей не больно. Не тяжело. Не страшно.

Она стояла на вершине пологого холма, и перед ней раскинулась бескрайняя, холмистая долина, залитая ярким, по-летнему щедрым солнечным светом. Небо над головой поражало своей пронзительной, чистой синевой. Такой глубокой, что, казалось, в него можно было нырнуть. По этой синеве лениво плыли белоснежные кружева облаков. Не тяжёлые, серые, какие бывают в Москве, а лёгкие, словно взбитые сливки. Вдали, у самого горизонта, высились величественные горные пики, увенчанные сверкающими снежными шапками. Они были такими чёткими, что Алине казалось, будто она может разглядеть каждую трещинку на их склонах.

Она повернулась назад. Там, где должен был остаться ржавый люк, обрывки сигнальной ленты, панельные многоэтажки с отслаивающимися обоями, ничего не было. Только трава, цветы и лёгкий ветер, который ерошил её волосы. Алина не знала, как это возможно. Не знала, что теперь будет. Но паники не было. Внутри, где раньше жил только страх и усталость, теперь разливалось такое глубокое, такое осязаемое спокойствие, какого она не знала с самого детства. Словно все эти двадцать шесть лет на Земле она была лишь случайной гостьей, застрявшей в чужом, унылом сне. А теперь наконец-то проснулась. Там, в Москве, её никто не ждал. И не потому, что кто-то умер или ушёл. А потому, что ждать её было некому и незачем. Эта мысль не причиняла боли. Она была привычной, как старый шрам, который ноет перед дождём, но уже не мешает жить. А здесь... Здесь всё было по-другому. Здесь, на этой поляне, с этим воздухом, с этой травой под ногами, она чувствовала себя нужной. Не кому-то конкретному, но самому этому месту. Словно мир под ней ждал её и теперь наконец дождался.

«Я дома...» — сорвался с её губ тихий вздох.

Это знание пришло не из мыслей. Оно поднялось откуда-то из самой глубины сердца, из того места, где раньше была только пустота. Алина не знала, что её здесь ждёт. Не знала, что

это за мир, как он называется, есть ли здесь люди и что они едят на завтрак. Но одно она знала точно: назад она не вернётся.

Она огляделась внимательнее. В нескольких сотнях метров от неё, прямо у кромки векового изумрудного леса, чьи кроны тихо шелестели от лёгкого ветерка, виднелись очертания старого каменного здания. Сложенный из крупного серого плитняка, двухэтажный дом выглядел заброшенным. Черепичная крыша местами обвалилась, а высокие стрельчатые окна густо затянул дикий плющ. Но даже в таком запустении от этого строения веяло чем-то родным и манящим. Словно оно было живым и тоже ждало её все эти годы.

Алина сделала глубокий вдох, тот самый, который наполнил её лёгкие до краёв, и уверенно зашагала по приминающейся траве к дому. Подол платья шуршал, задевая головки синих колокольчиков. Ветер ласково ерошил волосы, которые теперь казались более густыми и шелковистыми на ощупь. С каждым шагом она чувствовала, как из неё уходит что-то старое, ненужное. Что-то, что она несла на себе слишком долго.

В этот момент Алина окончательно поняла: что бы ни ждало её впереди, назад она не вернётся.

Глава 3. Заброшенная лавка и первый помощник

Каждый шаг по густой, упругой траве отзывался в теле странной, полузабытой лёгкостью. Алина шла к старому дому, и с каждым метром ощущение того, что она движется в правильном направлении, только крепло. Подол оливкового платья шуршал, задевая головки синих колокольчиков, а ласковый ветер ерошил распущенные волосы, которые теперь казались более густыми и шелковистыми на ощупь. Она поймала себя на мысли, что не помнит, когда в последний раз вот так просто шла, не думая о том, сколько времени осталось до автобуса, не сжимаясь внутренне от ожидания очередного укола от подруг или начальника. Здесь, на этой поляне, время словно текло иначе. Медленнее, мягче, словно давая ей возможность наконец выдохнуть.

Каменное здание приближалось. Теперь Алина могла разглядеть его во всех деталях. Сложенное из тяжёлых, тронутых зеленоватым мхом валунов, оно прочно вросло в землю у самой кромки древнего леса. Над дубовой двухстворчатой дверью, потемневшей от времени и дождей, покачивалась на одной поржавевшей петле деревянная вывеска. Краска на ней давно облупилась, но Алина, едва взглянув на полусострёвшиеся знаки, к своему изумлению, чётко прочитала их. Это не были русские буквы, но смысл ворвался в сознание мгновенно: «Магическая лавка Блессвуд».

«Блессвуд...» — тихо примерила она на язык незнакомое слово. Оно отозвалось в груди едва заметной, тёплой вибрацией. Словно где-то глубоко внутри неё на этот звук откликнулась струна, о существовании которой она даже не подозревала.

Она подошла к крыльцу. Две каменные ступени были усыпаны сухими хвоинками и мелкими жёлтыми листьями. Алина протянула руку к тяжёлому кованому кольцу на двери. Едва её пальцы коснулись холодного металла, как по узорам на древесине пробежала едва заметная золотистая искра. Раздался глубокий, протяжный щелчок, и створка плавно, без единого скрипа отворилась внутрь, приглашая войти.

Алина перешагнула порог и оказалась в просторном, погружённом в полумрак помещении. Здесь пахло старой бумагой, сушёными кореньями, воском и пылью. Вдоль стен тянулись массивные стеллажи из тёмного дерева, заставленные пустыми пузатыми флаконами, глиняными горшками и свитками. Посередине зала стоял длинный дубовый прилавок, покрытый толстым слоем серой пыли. Сквозь прорехи в диком плюще, затянувшем стрельчатые окна, пробивались тонкие солнечные лучи, в которых лениво кружились пылинки. Дом спал глубоким, многолетним сном. И всё же Алина чувствовала: это не просто заброшенное здание. Оно ждало. Оно прислушивалось к ней, к её шагам, к её дыханию. Словно старый пёс, который долгие годы лежал у порога, поднял голову на звук знакомых шагов.

«Ну и чего мы вылупились?» — раздался вдруг из темноты за прилавком тонкий, скрипучий и крайне недовольный голос.

Алина вздрогнула. Не от страха, а от неожиданности. Она вгляделась в полумрак и сначала не увидела ничего, кроме смутных очертаний полок. Но голос был явно живым, и он принадлежал кому-то, кто находился здесь, в этой лавке, и, судя по тону, был не слишком рад её появлению. В груди у Алины что-то сжалось. Старая привычка: ждать, что её сейчас отругают, укажут на то, что она делает не так, что она снова кому-то помешала. Но она заставила себя не отступать. Не сейчас. Не здесь.

Из тени, мягко перебирая лапами, на запылённую поверхность прилавка выбрался кот. Огромный, угольно-чёрный, с гладкой, лоснящейся шерстью и неестественно крупными, ярко-зелёными глазами. Эти глаза светились умом и чисто человеческим высокомерием. Он сел, аккуратно обернув лапы длинным хвостом, и уставился на девушку с явным раздражением. Алина смотрела на него и чувствовала странную смесь изумления и чего-то ещё. Какого-то

давнего, полузабытого узнавания. Словно она уже видела эти глаза. Словно этот ворчливый, надменный взгляд был частью чего-то, что она потеряла много лет назад.

«Магия переселения душ, чтоб её волки задрали, — проворчал кот, забавно подёргивая правым ухом. — Великий Род Блессвуд докатился до того, что в тело последней наследницы вернулась какая-то растерянная девица. Ты вообще помнишь, кто ты, или у тебя в голове осталась только земная каша?»

Алина сделала медленный шаг вперёд, не сводя взгляда с говорящего животного. На Земле она бы решила, что сошла с ума. Но здесь, в этом мире, где воздух был сладким, а трава тёплой, всё происходящее казалось более реальным, чем вся её прошлая жизнь. Она не испугалась. Наоборот, внутри неё что-то встрепенулось, словно она наконец услышала ответ на вопрос, который даже не знала, как задать.

«Я... меня зовут Алина, — тихо, но уверенно ответила она. — И я не знаю, что такое род Блессвуд. Я жила в Москве, работала в офисе...»

«В Москве? В офисе?» — Кот утрированно вздохнул и прикрыл глаза лапой, словно услышал что-то до крайности нелепое.

Алина почувствовала, как внутри неё поднимается старое, знакомое чувство. Чувство, что она снова не оправдала чьих-то ожиданий. Что она снова какая-то не такая. Но она заставила себя стоять прямо. Сделала глубокий вдох и посмотрела коту прямо в глаза. Она больше не собиралась извиняться за то, что не знает чего-то. Не здесь. Не перед ним.

«Послушай меня, Алина из Москвы, — уже серьёзнее произнёс кот, и в его голосе больше не было прежней насмешки. — Твоя земная жизнь была лишь фальшивой ширмой, заплаткой на ткани судьбы. Двадцать лет назад, когда на этот дом и твоих родителей напали чёрные маги из Совета, твоя мать, леди Элеонора, успела активировать древний артефакт исхода. Она спрятала твою детскую душу в самом сером, скучном и лишённом магии мире, какой только смогла найти, чтобы тебя не отследили по магическому следу. Там ты должна была повзрослеть и забыть обо всём ради собственной безопасности. Но кровь не вода. Сила рода созрела, и тебя притянуло обратно, как только открылся законный проход».

Алина слушала, и внутри неё один за другим рушились старые замки сомнений. Воспоминания о матери на Земле, вечно недовольной, чужой женщине, вдруг обрели логику. Та женщина не была её настоящей матерью. Она была лишь частью той серой иллюзии, в которую Алину заперли ради спасения. Настоящая же её семья погибла здесь, защищая её. И это знание, вместо того чтобы принести боль, принесло странное облегчение. Словно она наконец получила разрешение не чувствовать себя виноватой за то, что не любила ту, земную мать так, как должна была. Словно ей сказали: ты не чудовище. Ты просто была в другом мире. В чужом мире.

Кот спрыгнул с прилавка и подошёл ближе к Алине, задрав голову. В его зелёных глазах больше не было прежней насмешки. Теперь там читалась глубокая, вековая тоска.

«Я твой фамильяр и бессменный хранитель этого места, Барнабус, — уже тише произнёс он. — Этот дом ждал тебя двадцать лет. Он угасал без хозяйки. Но времени на сентиментальные воспоминания у нас нет. Меньше чем через неделю лавку конфискует королевская инспекция за огромные долги по налогам, которые накопились за время твоего отсутствия. И если ты не придумаешь, как зажечь очаг и заработать хотя бы сотню золотых лир, нас обоих вышвырнут отсюда в Дикие Земли».

Алина смотрела на Барнабуса и чувствовала, как внутри неё что-то меняется. Страх? Нет. Страха не было. Было что-то другое. Упрямство. То самое упрямство, которое когда-то помогало ей выживать в офисе, где её не ценили, в семье, где её не любили, в мире, где она чувствовала себя лишней. Она вспомнила, как разгребала чужие ошибки в отчётах, как ночами сидела над таблицами, чтобы к утру всё сошлось, как научилась находить изъяны в бумагах, которые другие считали безупречными. Всё это было не зря. Всё это было подготовкой. Не к

той жизни, которую она оставила. К этой. Здесь, в этом мире, её въедливость и умение считать могли пригодиться. Здесь от неё действительно что-то зависело.

Она посмотрела на свои ладони, гладкие, без единой трещинки, затем на запылённые полки заброшенной лавки. Чувство вины и тяжести, которое она несла из Москвы, окончательно растворилось. На его месте рождалось упрямое, горячее желание доказать. И себе, и этому ворчливому коту, и всему этому миру, что она вернулась не зря.

«Сто золотых лир, говоришь?» — Алина решительно засучила рукава оливкового платья и обвела взглядом заросшее плющом помещение. В её голосе больше не было растерянности. Только спокойная, сосредоточенная решимость.

Барнабус удивлённо моргнул. Его усы одобрительно дёрнулись, и в глазах на мгновение мелькнуло что-то похожее на уважение.

«Ну что ж, Барнабус. Я привыкла, что от меня мало что зависит. Но если от меня зависит целая лавка... — она усмехнулась, — значит, придётся справиться. С чего начнём уборку?»

Кот молчал несколько секунд. Он смотрел на неё так, словно видел впервые. Потом медленно поднялся, подошёл к краю прилавка и сел, обернув хвост вокруг лап.

«Уборку, значит... — протянул он, и в его голосе послышалась едва заметная, ворчливая теплота. — Что ж. Начнём с очага. Он давно не горел. А без огня в этом доме ни одно зелье не заварится, ни один амулет не зарядится. Только... — он прищурился, — учти, девочка. Очаг непростой. Он признаёт только хозяйку. Ту, в чьих жилах течёт кровь Блессвуд. Так что подойти к нему и просто чиркнуть спичкой не выйдет. Придётся тебе вспомнить, кто ты есть на самом деле».

Алина посмотрела туда, куда указывал кот. В дальнем углу зала, за прилавком, в каменной нише темнел старый очаг. Он был холодным, забитым золой и пылью. Но когда Алина сделала шаг в его сторону, ей показалось, что в глубине этих серых камней что-то дрогнуло. Слабо, едва заметно. Словно уголёк, в котором ещё теплилась искра. Словно сердце, которое ждало, когда его снова зажгут.

Она сделала ещё один шаг. Потом ещё. И с каждым шагом чувствовала, как внутри неё самой разгорается что-то, чего она никогда раньше не знала. Что-то, что было больше страха. Больше усталости. Больше всего того, что она оставила в серой московской квартире.

Глава 4. Искра

Очаг оказался ближе, чем ей казалось. Всего несколько шагов, но каждый из них отдавался в теле странным, тянущим чувством. Словно она шла не по пыльному полу заброшенной лавки, а по тонкому льду, под которым глубоко внизу плескалась тёплая вода. Барнабус не двигался с места. Он сидел на прилавке, обернув хвост вокруг лап, и смотрел на неё внимательно, без прежней насмешки. В его зелёных глазах застыло что-то похожее на ожидание.

Алина остановилась перед каменной нишей. Очаг был старым. Очень старым. Сложенный из тех же серых валунов, что и сам дом, он походил на маленькую крепость. Внутри, за чугунной решёткой, темнела зола, спёкшаяся в твёрдый серый ком. Пахло холодом и старым пеплом. Алина протянула руку, но не коснулась камня. Что-то удерживало её на расстоянии. Не страх, нет. Скорее осторожность. Словно она стояла перед спящим существом и не знала, обрадуется оно её приходу или рассердится.

«Он не кусается, — раздался за спиной ворчливый голос Барнабуса. — По крайней мере, не тебя. Хозяйскую кровь он чует. Только вот беда: кровь-то в тебе есть, а вот магия спит. Двадцать лет в сером мире не прошли даром. Она закуталась в кокон, как гусеница перед превращением. Тебе нужно её разбудить».

Алина обернулась. Кот смотрел на неё с видом учителя, которому уже порядком надоели нерадивые ученики, но который всё же не теряет надежды.

«И как я это сделаю?» — спросила она, и голос прозвучал тише, чем она хотела.

«Откуда мне знать? — Барнабус дёрнул ухом. — Я кот, а не учебник по пробуждению родовой магии. Знаю только одно: она отзывается на правду. На то, что ты чувствуешь по-настоящему. Не на слова, не на позы. На то, что у тебя внутри. Попробуй... — он замялся, подбирая слово, — попробуй вспомнить, зачем ты здесь. Не умом. Сердцем».

Алина снова повернулась к очагу. Закрыла глаза. Внутри было тихо и пусто, как бывает в комнате, из которой только что вынесли всю мебель. Она попыталась вспомнить Москву. Серое утро, холодный линолеум, треснувший экран телефона, чат с подругами. Всё это было далеко, словно чужая жизнь, увиденная через мутное стекло. Она попыталась вспомнить мать. Могилу, дождь, чувство вины. И это тоже было далеко. Не потому что она забыла. Потому что это больше не имело власти над ней.

Тогда она подумала о другом. О том, как стояла на поляне, вдыхая сладкий воздух. О том, как впервые за долгие годы у неё не болела голова. О том, как трава пружинила под ладонями, а роса была тёплой. О том, как она шла к этому дому и чувствовала, что идёт домой. Не в съёмную квартиру с отслаивающимися обоями, а домой. Туда, где её ждали. Туда, где она была нужна.

Что-то дрогнуло внутри. Слабо, как первый удар сердца в груди новорождённого. Алина открыла глаза и посмотрела на очаг.

«Я хочу остаться, — сказала она тихо, но твёрдо. Слова прозвучали не как просьба, а как заявление. — Не потому что мне некуда идти. А потому что я хочу быть здесь. Хочу, чтобы этот дом снова стал живым. Хочу... — она запнулась, удивляясь тому, что собирается сказать, — хочу, чтобы у меня было место, где меня ждут».

В ту же секунду в глубине очага что-то шевельнулось. Алина увидела это краем глаза и сначала решила, что ей показалось. Но нет. В серой золе, среди холодных камней, вспыхнула крошечная искра. Она была такой маленькой, что её можно было принять за отблеск света из окна. Но окна были затянуты плющом, и свет сюда не проникал. Искра пульсировала, медленно, осторожно, словно принюхиваясь.

«Вот, — выдохнул за спиной Барнабус. — Вот она. Ты её разбудила».

Алина опустилась на колени перед очагом. Она не думала о том, что делает. Просто протянула руку и коснулась ладонью холодного камня. Камень под её пальцами был шершавым и ледяным. Но где-то глубоко внутри него, под слоем золы и пыли, она чувствовала тепло. Слабое, как дыхание спящего. Она закрыла глаза и сосредоточилась на этом тепле. Не пыталась его раздуть, не торопила. Просто была рядом.

Искра в глубине очага вспыхнула ярче. Зола под её ладонью дрогнула, и от неё поднялась тонкая струйка дыма. Пахло не гарью, а чем-то пряным. Полынью, мёдом, сушёными травами. Дым поднимался вверх, к чугунной решётке, и Алина почувствовала, как внутри неё самой что-то поднимается. Тёплое, тягучее, похожее на ту самую воду, в которую она погружалась при падении. Только теперь эта вода шла не снаружи, а изнутри. Она поднималась откуда-то из живота, растекалась по груди, по плечам, по рукам. И там, где она проходила, тело становилось легче. Словно с него снимали невидимые грузы.

Камень под её ладонью стал тёплым. Потом горячим. Алина не отнимала руку. Она чувствовала, как тепло переходит из неё в очаг, а из очага обратно в неё. Словно они обменивались чем-то важным. Словно очаг пил её силу и возвращал её обратно, очищенную и умноженную. Это было странно. И в то же время правильно. Как дыхание. Как сердцебиение.

«Довольно, — раздался голос Барнабуса. — Ты выжала себя досуха. Нельзя столько за один раз, ты же не каменная».

Алина открыла глаза. Она и правда чувствовала слабость. Руки дрожали, а в висках стучало. Но очаг... Очаг горел. Внутри каменной ниши, за чугунной решёткой, плясало маленькое, робкое пламя. Оно было ещё слабым, как огонь в первой растопке, но оно было живым. Оно дышало. И от него по всему залу разливалось тепло. Настоящее, живое тепло, которого этот дом не знал двадцать лет.

Алина села на пол и вытерла выступивший на лбу пот. Она чувствовала себя так, словно пробежала несколько километров без остановки. Но это была приятная усталость. Такая бывает после тяжёлой, но нужной работы.

«Ну что ж, — Барнабус подошёл к ней и потёрся головой о её плечо. Это было так неожиданно и так по-домашнему, что Алина чуть не рассмеялась. — Очаг ты зажгла. Первый шаг сделан. Теперь надо его накормить. Огонь без топлива долго не протянет. Нужны дрова. Сушёные травы. И вода. Много воды. А ещё... — он прищурился, — для первого зелья понадобится кое-что из кладовой. Только вот беда: кладовая заперта. И ключ... ключ потерян».

Алина посмотрела на него, вытирая руки о подол платья.

«Ключ потерян, — повторила она. — И где его искать?»

Барнабус хмыкнул.

«Вот это уже правильный вопрос. Не «почему я», не «за что мне это», а «где искать». Растёшь на глазах, Алина из Москвы».

Он развернулся и направился к дальнему стеллажу. Алина поднялась на ноги. Она чувствовала, как в кармане платья что-то лежит. Она опустила руку и вытащила маленький, гладкий камешек. Он был тёплым, словно только что из очага. И в глубине его, если приглядеться, мерцала крошечная золотая искра.

Она не помнила, как он там оказался. Но почему-то это не удивило её. Она сжала камешек в ладони и почувствовала, как усталость отступает. Словно камень делился с ней силой.

«Барнабус, — позвала она. — А что это?»

Кот обернулся. Увидел камешек в её руке. Его глаза округлились.

«Ох, — выдохнул он. — Вот так дела. Ты не просто зажгла очаг. Ты... ты создала первый амулет. Сам, без инструментов, без заклинаний. Просто из своего желания и силы очага. — Он посмотрел на неё с новым выражением. Не с насмешкой. С уважением. — Может, из тебя и правда выйдет толк, Алина из Москвы».

Алина смотрела на камешек в своей ладони и чувствовала, как внутри неё разгорается что-то большее, чем надежда. Что-то похожее на веру. В себя. В то, что она справится. В то, что этот дом, этот ворчливый кот и этот маленький тёплый камешек — только начало.

Глава 5. Ключ от кладовой

Барнабус уже стоял у дальнего стеллажа, задрав голову и разглядывая полки с таким видом, словно надеялся, что ключ сам выпрыгнет ему навстречу. Алина подошла ближе, всё ещё сжимая тёплый камешек в ладони. Усталость после пробуждения очага понемногу отступала, но в теле осталась приятная, тягучая слабость, словно после долгой прогулки на свежем воздухе.

«И где мы будем искать?» — спросила она, оглядывая стеллаж. Полки были забиты всякой всячиной: пустыми флаконами, связками сушёных трав, потускневшими от времени медными безделушками. Всё это покрывал ровный слой пыли, нетронутый уже много лет.

«Кладовая в подвале, — ответил Барнабус, не оборачиваясь. — За той дверью, что в конце коридора. Но ключ от неё не простой. Это не кусок железа, который можно потерять под диваном. Это... — он замялся, подбирая слово, — это часть дома. Он всегда был здесь. Просто... спрятался. Когда хозяева ушли, дом закрылся. Заперся изнутри, как обиженный ребёнок. И ключ вместе с ним».

Алина обвела взглядом зал. Тёплый свет от очага ложился на стены, и в этом свете лавка уже не казалась такой заброшенной. Пыль всё ещё лежала повсюду, но тени стали мягче, а воздух словно потеплел. Дом и правда оживал. Медленно, осторожно, но оживал.

«Значит, ключ где-то здесь, — сказала она, скорее утверждая, чем спрашивая. — И дом знает, где он».

Барнабус обернулся и посмотрел на неё с неожиданным интересом.

«Верно. Только вот беда: дом с тобой ещё не разговаривает. Он тебя чувствует, это да. Очаг ты зажгла. Но чтобы он открыл свои тайны, нужно... — кот снова замялся, — нужно, чтобы ты его услышала. А для этого придётся потрудиться».

Алина кивнула. Она не стала спрашивать, что именно нужно делать. Внутри неё уже поселилось странное, упрямое спокойствие. Она устала бояться, устала сомневаться в себе. Здесь, в этом мире, всё было иначе. Здесь у неё был шанс. И она не собиралась его упускать.

«Тогда начнём с уборки, — сказала она, засовывая камешек обратно в карман. — Если дом хочет, чтобы его услышали, пусть сначала увидит, что я здесь надолго».

Она взяла с полки первую попавшуюся тряпку, оказавшуюся на удивление мягкой и чистой, словно её только что выстирали, и подошла к прилавку. Пыль на нём лежала толстым слоем, и Алина провела тряпкой по дереву. Под серым налётом открылась тёмная, почти чёрная древесина с красивым, глубоким узором. Она провела ещё раз, потом ещё. И вдруг почувствовала, как под ладонью что-то дрогнуло. Едва заметно, словно дерево вздохнуло.

Алина замерла. Прислушалась. Но тишина в лавке осталась прежней. Только очаг тихо потрескивал в углу, да Барнабус что-то бормотал себе под нос, роясь на нижней полке.

Она продолжила уборку. Протёрла прилавок, потом принялась за полки. С каждым движением тряпки пыль отступала, и лавка словно выпрямлялась, расправляла плечи. Алина снимала с полок пустые флаконы, протирала их и ставила обратно. Некоторые из них слабо мерцали, когда она брала их в руки, словно узнавали её. Другие оставались тусклыми и холодными. Она не знала, что это значит, но не останавливалась. Просто делала то, что умела: наводила порядок. В офисе она тоже часто оставалась после работы, чтобы разгрести завалы, которые никто не хотел разгребать. Только здесь это было не в тягость. Здесь это было нужно.

Прошло, наверное, не меньше часа, когда Алина добралась до углового стеллажа, стоявшего в самом тёмном углу зала. Он был почти не виден за прилавком, и пыль на нём лежала такая густая, что полки казались серыми. Алина провела тряпкой по нижней полке и вдруг наткнулась на что-то твёрдое. Не флакон, не горшок. Что-то маленькое, плоское. Она наклонилась и присмотрелась.

В дальнем углу полки, почти невидимый за пылью, лежал ключ. Он был старый, тёмный от времени, с затейливой бороздкой на стержне и кольцом в форме спирали. Алина протянула руку и взяла его. Ключ оказался тёплым. Не горячим, как очаг, а тёплым, как рука спящего человека. И в тот момент, когда её пальцы сомкнулись на нём, по лавке прошёл тихий, протяжный вздох. Словно дом наконец выдохнул.

«Нашла?» — Барнабус уже стоял рядом, задрав хвост.

«Нашла, — Алина разжала ладонь и показала ему ключ. — Он был здесь. В самом углу. Под пылью».

Кот посмотрел на ключ, потом на неё, и в его глазах мелькнуло что-то странное. Не насмешка, не ворчливость. Что-то похожее на удивление.

«Дом тебе его показал, — сказал он тихо. — Сам. Он не просто спрятал ключ от чужих. Он показал его тебе. Значит, признал. — Барнабус помолчал и добавил уже обычным, ворчливым тоном: — Ну, или ему просто надоело смотреть, как ты возишься с тряпкой. Он у нас тоже тот ещё чистюля».

Алина усмехнулась. Она уже начала привыкать к манере кота говорить одно, а подразумевать другое. И к тому, что под его ворчанием прячется что-то тёплое. Она сжала ключ в ладони и посмотрела на дверь в конце коридора.

«Пойдём посмотрим, что там, — сказала она. — Если дом признал меня, может, и кладовая откроется».

Барнабус не стал спорить. Он спрыгнул с прилавка и первым направился к коридору, высоко подняв хвост. Алина шла за ним, и в груди у неё росло странное, полузабытое чувство. Предвкушение. Словно она стояла на пороге комнаты, в которой её ждал подарок. Она не знала, что найдёт в кладовой. Но впервые за долгие годы ей хотелось это узнать.

Глава 6. То, что помнит дом

Коридор оказался короче, чем Алина ожидала. Всего несколько шагов по узкому проходу, где под ногами скрипели рассохшиеся половицы, а с потолка свисала паутина, серебрившаяся в свете очага. Барнабус шёл впереди, и его хвост покачивался из стороны в сторону, как маятник. У самой двери он остановился и сел, обернув лапы.

Дверь была низкой, сбитой из толстых дубовых досок, окованных потемневшим от времени железом. В центре темнела замочная скважина, большая и глубокая, с затейливым узором вокруг. Алина присела и вставила ключ. Он вошёл легко, без скрипа и сопротивления, словно дверь только и ждала этого момента. Она повернула ключ, и в замке что-то мягко щёлкнуло. Дверь отворилась сама, медленно и плавно, открывая взгляду узкую лестницу, уходящую вниз.

Из подвала пахнуло прохладой и сушёными травами. Не сыростью, не плесенью, как можно было ожидать от заброшенного дома, а чем-то сухим, пряным, с лёгкой горчинкой полыни. Алина шагнула на первую ступень. Камень под её ногой был гладким, отполированным сотнями шагов. Она спускалась медленно, держась рукой за шершавую стену. Барнабус следовал за ней, и его когти тихо постукивали по камню.

Внизу оказалось просторнее, чем она думала. Кладовая была не просто чуланом, а настоящим подземным залом с низким сводчатым потолком. Вдоль стен тянулись полки, заставленные банками, мешочками, связками трав и кореньев. В углу стояли несколько больших глиняных сосудов, накрытых деревянными крышками. Пахло здесь так густо, что у Алины закружилась голова. Полынь, мята, что-то смолистое, похожее на хвою, и ещё один запах, тёплый и сладкий, который она никак не могла узнать.

«Ну вот, — Барнабус прошёлся между полками, задрав хвост. — Всё на месте. Дом сохранил запасы. Травы, правда, повысохли, но это дело поправимое. Главное, что основа есть».

Алина подошла к ближайшей полке. На ней стояли небольшие холщовые мешочки, перевязанные бечёвкой. Она взяла один, развязала и заглянула внутрь. Внутри лежали сухие, тёмно-зелёные листья, тонкие и хрупкие. Они пахли горько и свежо одновременно.

«Это что?» — спросила она, поднося мешочек к свету.

«Полынь, — ответил Барнабус, вспрыгивая на полку рядом. — Обычная, не магическая. Но в умелых руках и она на многое способна. Отвар из неё снимает усталость. Если добавить щепотку мёда и каплю росы, собранной до восхода, получится неплохое средство для тех, кто много работает и мало спит. — Он покосился на неё. — Тебе бы такое пригодилось. Ты вон вся серая, как та московская улица, из которой ты свалилась».

Алина не стала обижаться. В его ворчании было что-то заботливое, почти отцовское. Она вернула мешочек на полку и прошла дальше. На следующей полке стояли глиняные горшочки с плотно притёртыми крышками. Она открыла один и почувствовала знакомый запах. Мёд. Густой, тёмный, с тонкой ноткой чабреца. В другом оказалось что-то похожее на воск, мягкое и податливое. В третьем — мелкий, блестящий порошок, от которого пахло морем.

«Это всё для зелий?» — спросила она, оборачиваясь к коту.

«Не только, — Барнабус спрыгнул с полки и подошёл к дальнему углу. — Вот здесь, — он ткнул лапой в сторону большого сундука, стоявшего у стены, — должны быть инструменты. Котёл, ступка, мерные ложки. Всё, что нужно для работы».

Алина подошла к сундуку. Он был тяжёлый, обитый медными полосами, с большим замком, который, к её удивлению, оказался открыт. Она подняла крышку. Внутри, аккуратно завёрнутые в мягкую ткань, лежали инструменты. Небольшой медный котёл, потемневший от времени, но чистый. Каменная ступка с пестиком. Несколько деревянных ложек разного размера. И ещё что-то, завёрнутое отдельно, в бархатную тряпицу.

Алина развернула ткань и замерла. На её ладони лежал небольшой нож с костяной рукояткой, покрытой тонкой резьбой. Лезвие было матовым, словно его никогда не касался металл. Но когда она взяла нож в руку, по лезвию пробежала едва заметная золотистая искра. Такая же, как та, что вспыхнула, когда она коснулась двери лавки.

«Это нож хозяйки, — тихо сказал Барнабус. Он больше не ворчал. Голос его звучал серьёзно и немного печально. — Он принадлежал твоей матери. Леди Элеонора резала им травы, соскабливала воск, чистила коренья. Он помнит её руки. И теперь он признал тебя».

Алина смотрела на нож в своей ладони. Он был тёплым. Не как очаг, не как ключ, а по-другому. Словно в нём сохранилось тепло чужих рук. Рук её настоящей матери, которую она никогда не знала. Женщины, которая спрятала её в чужом мире, чтобы спасти. Которая умерла, защищая её. Алина провела пальцем по резьбе на рукояти. Узор был тонкий, затейливый, похожий на ветви дерева или на спираль времени. Она не знала, что чувствует. Печаль? Благодарность? Или что-то ещё, чему она не могла найти названия.

«Она была хорошей хозяйкой?» — спросила она тихо, не поднимая глаз.

Барнабус помолчал. Потом подошёл ближе и сел рядом, глядя на нож в её руке.

«Она была доброй, — сказал он наконец. — И упрямой. Как ты. Она могла часами возиться с травами, чтобы получить нужный оттенок запаха. Могла ночь не спать, если чувствовала, что зелье не получилось. Но она никогда не сдавалась. И она любила этот дом. И тебя. Даже когда тебя не было рядом. Она знала, что ты вернёшься. Она в это верила».

Алина сглотнула. В горле стоял комок, и она не сразу смогла заговорить.

«Я её не помню, — сказала она наконец. — Совсем. Ни лица, ни голоса. Только... — она замялась, — только чувство. Словно где-то глубоко внутри есть что-то тёплое. Оно было там всегда, но я не знала, что это. Думала, что это просто... мечта. Что я придумываю себе кого-то, кто меня любил».

Барнабус потёрся головой о её руку. Это было так неожиданно и так по-домашнему, что Алина невольно улыбнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.